

Эрмитаж отбеливает холсты

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 5 ФЕВРАЛЯ. - с. 9

Картины Рубенса выставлены для очистки репутации

перемещенные ценности живопись

В Эрмитаже выставили еще два «неведомых шедевра» из числа перемещенных ценностей. Это картины Питера Пауля Рубенса, которых мир не видел шестьдесят лет. Одна — «Марс и Венера», конфискованная в 1945 году в порядке компенсаторной реституции из Кенигсбергского замка и отправленная в спецхран Эрмитажа. Вторая — «Тарквиний и Лукреция» из собрания Владимира Логвиненко, ставшая поводом к большому реституционному скандалу („Ъ“ писал об этом 01.10.03 и 06.10.04) и переданная коллекционером Эрмитажу на временное хранение в 2004 году. Комментирует АННА ТОЛСТОВА.

Сенсационный вернисаж сопровождался торжественным актом дарения: Владимир Логвиненко преподнес Эрмитажу акварель Григория Чернецова «Золотая гостиная в Зимнем дворце», купленную на русских торгах Christie's осенью прошлого года. Ах, если бы не политика, какая бы чудная могла получиться выставка. Рубенс о любви во всех ее проявлениях: низменные страсти и возвышенные чувства, насилие и свобода, война и мир. «Тарквиний и Лукреция» — сцена изнасилования, драматическая кульминация очень поучительного эпизода из древнеримской истории: царский сынок Тарквиний надругался над добродетельной гражданкой Лукрецией, та покончила с собой, гражданское общество возмутилось и изгнало царей из Рима — в общем, установилась республика. В Эрмитаже картину датируют 1609–1611 годами, то есть написана она сразу по возвращении Рубенса в Антверпен — по горячим итальянским следам. Композиция взята напрокат у Тициана, а остальное — страсть, патетика, энергия — у лучшего рафаэлевского ученика Джулио Романо: в расписанных им залах палатцо дель Те Рубенс, верно, просиживал часами, когда служил у мантуанского герцога. «Марс и Венера», напротив, сцена идилическая: услужливые путти разоружают благородного воина, сраженного наповал прелестями обнаженной богини любви: стаскивают шлем, откатывают щит, развязывают сандалии, уводят коня, а на дереве уже вовсю воркуют два голубка. Эту картину в Эрмитаже датируют концом 1610-х, то есть периодом самого пышного рубеновского расцвета, когда были созданы шедевры вроде мюнхенских «Похищения дочерей Левкиппа», «Битвы с амазонками» и охот. И с каким удовольствием можно было бы

Владимир Логвиненко (слева) показал себя законным владельцем Рубенса (в центре) и верным партнером Михаила Пиотровского (справа) ФОТО ИЛЬИ МАТВЕЕВА

сказать, что два новых Рубенса чудесно дополняют сорок эрмитажных. «Марс и Венера», написанные примерно тогда же, что и петербургский «Союз Земли и Воды», попросту очень хороши. А «Тарквиния и Лукреция» и вовсе можно назвать лучшим произведением раннего Рубенса в Эрмитаже, где именно этот период творчества великого фламандца представлен хуже всего.

Но без политики, увы, никак нельзя. Хотя директор Эрмитажа Михаил Пиотровский и просил журналистов как можно меньше думать о политике, а уж если и думать, то никак не о том, что это показ трофеев к 60-летию победы в Великой Отечественной, а скорее о том, что это — преодоление последствий холодной войны, в годы которой все все друг от друга прятали. Думай не думай, а все равно с репутацией у картины «Тарквиния и Лукреция» дело обстоит еще хуже, чем у самой Лукреции после изнасилования. Шедевр Рубенса, до войны находившийся в потсдамском двор

це Сан-Суси, вывез из Германии после войны в числе «домашних вещей», на что имеется справка оккупационных властей, майор Борис Дорофеев; сделано это было, скорее всего, незаконно; во всяком случае, представить себе, как можно пользоваться такой штукой, как Рубенс, в домашнем обиходе, трудно. Всплыла картина в 1999 году, когда через третьи руки и как работа неизвестного художника (потому что была в «неузнаваемом» виде из-за варварских условий хранения) попала к московскому коллекционеру Владимиру Логвиненко. Начав реставрацию и убедившись в том, что является счастливым обладателем Рубенса, коллекционер обратился к хранителю живописи фонда «Прусские замки и сады Берлин-Бранденбург», куда сейчас входит Сан-Суси, Герду Бартошеку с предложением вернуть шедевр за положенное по международным законам вознаграждение. В итоге начался скандал с шумихой в прессе, судебными разбирательствами и даже арестом

«Тарквиния и Лукреция» Генеральной прокуратурой РФ, в итоге чего и наша, и немецкая стороны признали Владимира Логвиненко законным владельцем картины. Не последнюю роль тут сыграл Эрмитаж: сразу после того как Генеральная прокуратура не нашла в действиях коллекционера ничего противозаконного, с ним был заключен договор о передаче «Тарквиния» и двух других, весьма спорных Рубенсов (о том, как их выставили в Эрмитаже, „Ъ“ писал 21.05.04) на временное хранение в музей. Так что дарение купленной самым прозрачным образом акварели Григория Чернецова, на которой изображена Золотая гостиная Зимнего дворца, погибшая в пожаре 1837 года, после чего в этом помещении был устроен знаменитый Малахитовый зал, — символическое подтверждение дружбы с Эрмитажем и доброго имени Владимира Логвиненко.

Коллекционер хотел бы, чтобы картину увидели в Москве, и не исключает, что, когда страсти улягутся, ее можно бу-

дет показать и в Потсдаме. На репутации «Марса и Венеры», правда, тоже есть пятнышко. Этот Рубенс значится в списке пропавших из Германии после войны картин, опубликованном тем же Гердом Бартошеком. А вот в списке находящихся в спецхране Эрмитажа картин из прусских замков, предоставленных фонду «Прусские замки и сады Берлин-Бранденбург» в 1990-х годах, он не значится. Возможно, потому, что «Берлин-Бранденбург» до войны находился в Кенигсберге, и если уж и возвращать картину, то не дальше Калининграда. Словом, главная проблема с «новыми», хорошо забытыми Рубенсами — это шестидесятилетняя игра в прятки. Важно, что Эрмитаж положил ей конец, впервые выставив «перемещенные» картины, ранее принадлежавшие не частным коллекционерам, а государственным музеям Германии. И хотя никакой принудительной реституции в данном случае быть не может (кенигсбергский Рубенс по российским законам вообще вне

дискуссии, так как в 1945 году был вывезен официально, а Рубенс потсдамский присужден российскому коллекционеру немецким же судом), известная полновесность в плане музейного политекса остается.

Обе картины выставлены после проведенной в Эрмитаже реставрации. В случае «Марса и Венеры» она была минимальна, что же касается «Тарквиния и Лукреция», то здесь потребовалась огромная работа. Трофейного Рубенса в семье майора Дорофеева полстолетия хранили в сложном виде, как отрез ткани, что и понятно: размеры и сюжет полотна никак не соответствовали стандартам жилища советского человека. В итоге красочный слой местами был утрачен почти полностью, причем в таких ответственных частях, как лицо и плечи прекрасной Лукреции. Так что реставраторы буквально спасли шедевр. Не впадая в мистику и дидактику, следует признать: картина про насилие подверглась куда большему насилию, чем картина про любовь.